

Прошлое на то и прошлое, чтобы представляться ненастоящим. Оно видится нам чёрно-белым, как изорванная киношка, блёклым, как выцветшее фото, лишним, как упразднённая буква.

Всё это была подготовка к нам, настоящее это мы — думаем мы. Снисходительно оглядываясь на нас, так будут думать про себя и недалёкие наши потомки. И главное, так когда-то думали о себе и те, из прошлого.

Яков Басов приезжал из громадного Петербурга в мизерную свою деревушку, растопыривал перед крестьянками невиданную трубу-граммофон, кидал в воздух несколько тяжких золотых монет и говорил: — Там один царёв дом зимний больше всего нашего Лимовца. Все там умещаемся, вместе с машинами. Он считал жизнь чудом, истинным, настоящим. Статный, тридцатипятилетний, 1879 года рождения — в том году вслед за ним на свет явились Иосиф Джугашвили, Борис Савинков и Мариинский, ныне Красный, мост в Орле.

Ни про мост, ни про тех двух Питер, а значит, и царский шофёр Басов, не слышали и в помине. Не вспоминал Басов босоногих детских прогулок к Русскому Броду, не особо гордился своей былой драгунской службой — то всё было подготовкой к происходившему теперь с ним чуду. Оставался лишь благодарен помещику Лимового генерал-аншефу Скарятину, человеку неординарному, поставившему между Верховьем и Русским Бродом железнодорожную станцию Скарятину, умевшему определять своих работающих дворовых людей аж в царские конюшни. Там был и Самсон Басов, двоюродный дядя Якова, вскоре упросивший допустить к царским коням и племянника-драгуна.

В тринадцатом году конюшня вполночь стала гаражом, появились машины, диковинные, крытые, обликом вроде нашего "козла", только вдвое больше.

Тот тринадцатый год стоит на обороте карточки, сделанной личным фотографом императорской семьи; на карточке Басов в галстук, в костюме с жилетом — ой-ой, вот тебе и крестьянский сын-сирота из-под тьмуктараканых Ливен!

Мать, Анастасия Александровна, в его отпускные приезды корила:

— У царя служишь, а крёстной приветы в письмах не приписываешь, разве можно своих так обижать?

Он по-доброму смеялся, охотно рассказывал про царскую свою жизнь: как стажировался в автомеханике, как поёт в Исаакиевском соборе (у него был хороший басок), как делает в дворцовой кухне заказы на пропитание, как не любит царица-бабка свою невестку, правящую царицу, Николаеву жену, как не одобряют ту и тихие дочери-царевны — за Гришку Распутина.

Якова царевны звали Яков Тимофеевич, льнули к нему: он ведь возил не царя, а именно их, царскую семью — в Петергоф, на Гатчину. Десятилетний царевич всё просил Басова научить его печь картошку, а когда невзначай поцарапал капот, очень и очень извинялся.

— Несчастные они, с кем им по-людски поговорить, разве только со своим машинистом. А приучены ко всему, умницы, без дела не сидят: рисуют, штопают. Пустой болтовни во дворце себе не позволяют, вот на гатчинских выездах только и вздохнут радостно.

Царица и Распутин с ними ез-

ди, иногда и царь. Император уважительный, а Гришка, когда ехал в одиночку, языком вольно трепал, шутник был, даже машину осмелял:

— Воняет здорово; жаль, навозу нет. Вся мужицкая сила — в навозе!

Да, жизнь райская у Басова и его двадцати напарников, платят им золотом, счёт в банке, довольствие, одеты-обуты чуть не по-генеральски.

И вдруг бац — стало настоящим прошлым.

Когда Николай отрёкся от престола, Яков плакал. Не из-за утраченных благ; жалко было царя по-человечески. Понял сердцем рассудочный крестьянский сын, что именно от него, от Николая, шло то редкое излучение, осиявшее добром да честностью и царскую семью, и всю, пожалуй, Россию.

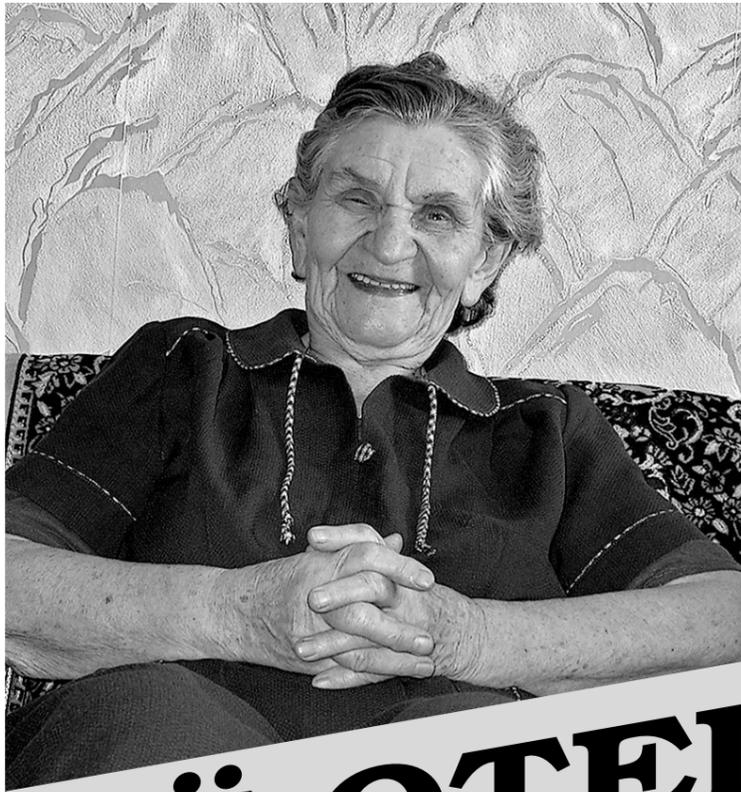

Фото Вячеслава МИТРОХИНА.

ЕЁ ОТЕЦ

ВОЗИЛ ЦАРЯ

б р о - сил машину, столицу и сбежал на родину, в Лимовец.

— Сегодня-то гладят, а завтра, чего доброго, пристрелят, — сказал матери.

Замкнулся он крепко. После тамбовско-ливенского мятежа ждал, что заберут. Сорок лимовецких взяли, его нет.

Потом, в конце двадцатых, брали, но через четыре дня отпустили. В тридцать седьмом в общей куче, ночью, взяли второй раз — вновь отпустили, через день, и только его одного.

Кто знает, может, какие-то те мимолётные комиссарские закорюки помогли. Сам Яков ни-

чего никому не говорил, всё многое, что привёз в восемнадцатом (фотоальбомы, вензеля, фарфоровое пасхальное яичко, подарок Алисы), было давно разбито, сожжено.

Дочь Рая родилась в двадцать втором, от брака с селянкой Марией, бывшей на пятнадцать лет моложе Якова и любившей его. Он жену тоже любил, хоть иногда и называл серой бабой.

То понять можно: после царских палат ему всё на родине ка-

залось серым, гнилым, нечистым.

— Глянь, помои выливать понёс, — тихо гуторили из-за плетня соседи. — Чтой-то у него белое на руках-то?

— Ну как что: перчатки. Чтoб не замараться. Привык у дворце...

Был в колхозе разнорабочим, за механизмы не брался, не хотел привлекать внимание.

Раисе Яковлевне скоро восемьдесят пять.

— Нет, почти ничего про царя не говорил. Старики дивились, каким весёлым и разговорчивым он был до революции, и каким угрюмым стал после... Только пел тоскливо. Бывало, укроюсь одеялкой, зубрю уроки, а он рядом верёвку выёт и старинную песню тянет, про месяц багряный...

Помнит Раиса Яковлевна тайный рассказ матери, как потерян был Яков после известия о расстреле царской семьи.

— За что девок хоть убили? — спрашивал сам себя. — И Алёшу? Они же что твои ангелы, ко всем с лаской... Перевязки раненым делали.

Умер в сорок девятом, в самое голодное послевоенное время.

— Эх, сколько золота тогда в банке осталось, на сто лет всем нам бы еды хватило, — сказал в последние дни.

У Раисы Яковлевны судьба сложилась нормально. Да, не приняли её в комсомол в седьмом классе (это, значит, был тридцатый пятый год), кто-то из учителей встал и сказал: "Девочка хорошая, но нельзя — её отец возил царя". Плакала. А в восьмом классе, уже в Русском Броду, приняла без проблем. А в войну она стала... секретарём райкома комсомола.

— Вышло просто. В сорок втором через наш Лимовец фронт проходил, мы эвакуировались, но недалеко. Я в селе Теляжье в начальной школе учительствовала, активисткой была. Из-за той активности меня в феврале и позвали в райком. Там всего одна работница сидела, вот она меня в помощницы и взяла, стало нас двое.

После войны в Хотынецком райкоме работала, а потом до самой пенсии — на Орловской обувной фабрике. Счастливо прожила с мужем-фронтовиком Андреем Хозяиновым, морским пехотинцем, героем Сталинграда, о котором даже маршал Чуйков в своих мемуарах упоминал.

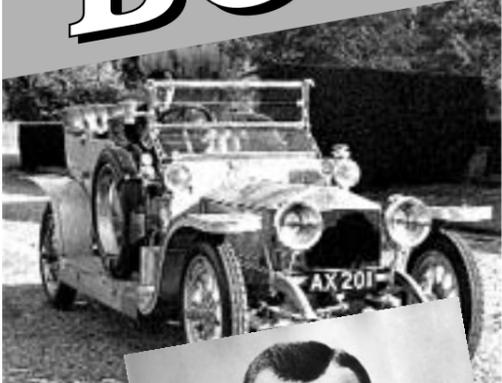
Из отцовских вещей сохранился лишь снимок тринадцатого года с гербом царского фотографа да ещё сундук, с которого в своё время предусмотрительно сбили обоих двухглавых орлов.

Настоящее всегда становится прошлым. Настоящим прошлым — и значит, бесценным для будущего.

Человек этого не желает помнить, считая свой миг самым главным. Оттого и уходит так быстро в небытие.

Но хватает и крупинки, сохранённых случаев. Прикосновение, целебный ожог памятью — и жизнь твоя насыщенная открывается во всей своей бездонности.

Юрий ОНОПРИЕНКО.

Небывалой волшебной сказкой увиделись прошлые пасхальные христосования царицы Алисы, Александры Фёдоровны, со всеми окружающими, со всеми, до последней белошвейки, поварихи и шофёра.

Шофёр — субъект штучный, кем его заменишь? Так что временщик Керенский ездил с царскими "машинистами". Потом на железные сиденья дворцовых авто вскарабкались большевики.

— Не бойтесь, — сказали они водителям. — Вы за царизм не отвечаете, ваше дело механическое.

Старший напарник, Стефан Гиль, стал возить Ленина, тем вошёл в историю. Басов возил других каких-то важных комиссаров, и ему, может, тоже что-то бы от истории перепало; но смурнел орловец всё боле — и однажды, в конце восемнадцатого,

